

П.С. Романов

Русь (Часть 2)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р69

Р69 **Романов П.С.**
Русь (Часть 2) / П.С. Романов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-1907-1

ISBN 978-5-4241-1907-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019
© П.С. Романов, 2019

Романов Пантелеймон
Сергеевич
Русь (Часть 2)

Пантелеймон Романов
Русь
Роман-эпопея (продолжение)
ЧАСТЬ II

I

Пришел благодатный июнь. В лесах уже отцвели ландыши, черемуха и завязывались орехи.

В воздухе было тепло и влажно. С юга часто собирались грозы, и на землю проливался теплый летний благодатный дождь, после которого омытая зелень деревьев, лугов и освеженные хлеба блестели мокрым глянцем.

Земля жадно впитывала влагу, травы на лугах густели. По вечерам, когда сильная роса падала на траву, над рекой поднималась легкая синеватая дымка теплого тумана. И ночь, мигая редкими летними звездами, спускалась на засыпающую в теплом сумраке землю.

В Троицын день все улицы и завалинки в деревнях уставились зелеными березками с нежными молодыми листьями. В церквях - в деревне и в городе от ворот ограды до прохладной паперти тоже стояли, в утренней тени, вкопанные в два ряда березки, и золото иконостасов с горящими свечами покрылось перекинувшимися гирляндами из зеленых пахучих веток - еловых и березовых.

Свежая трава была раскидана по каменным плитам пола, и ее запах, смешиваясь с запахом церкви, живее напоминал о пришедшем долгожданном летнем празднике - Троицыне дне.

Окропленные утренней росой цветы в садах, еще дремлющие в утренней прохладе, сламы-вались женской рукой, и собирались яркие букеты пионов в церковь.

Даже старушки - и те, сорвав колокольчиков и ромашек и, обернув их платочками, с медными деньгами, завязанными в узелок, бережно несли их в церковь, чтобы выслушать обедню с коленопреклонной троицкой молитвой и, принеся домой троицкие цветы, заложить их за иконы в образной угол.

Вечером молодежь шла в лес, обрывали длинные висячие ветки развесистых старых берез и завивали под песню венки. Потом бросали с обрыва в реку снятые с головы венки, от которых и руки и платки пахли клейким весенним запахом молодой березы.

А прежде, бывало, всю ночь оставались на берегу речки и с венками на голове водили хоро-воды под веселые троицкие песни. И кончали их только тогда, когда розовела на востоке заря и румяное летнее солнце в легком тумане теплых утренних паров поднималось над полями и пашнями.

II

Троицын день был самым любимым праздником Ирины. Она любила встать в этот день пораньше, когда еще на столбиках балкона дрожат ранние лучи пробивающегося сквозь березник солнца и стоит везде утренняя свежесть и прохлада, а потом пойти по сырой высокой траве через сад и набирать цветов в церковь.

И весь Троицын день, с его березками вокруг дома, накиданной в зале свежей травой, скошенной в саду, с открытыми в сад окнами, с молебном и водосвятием, с запахом мужичьих праздничных кафтанов, в которых они приносили иконы, - все это делало праздник каким-то особенным, не похожим ни на какой другой

праздник.

В этом году Ирина встретила Троицын день совсем по-иному и была в таком настроении, которого раньше не знала у себя. Три дня назад она узнала, что Воейков с Валентином Елагиным уехал на Урал.

Федюков рассказывал, что он сам участвовал в их прощальной пирушке, устроенной у баро-нессы Нины Черкасской, и что друзья теперь по его вычислениям уже должны узреть священные воды озера Тургояка или, по крайней мере, приближаться к ним, и что он сам уехал бы с ними на вольную жизнь, если бы не семейные обстоятельства.

Ирина, услышав это, вдруг почувствовала, что у нее от неожиданности похолодели пальцы, и захотелось вдруг убежать, забиться куда-нибудь в глушь сада и заплакать слезами обиженного ребенка.

Но она поборолась и спокойно продолжала сидеть, пока не уехал Федюков, спешивший куда-то, о чем он заявил с первого слова, но, несмотря на это, выси-дел битых два часа.

Ирина вышла в сад и пошла по глухой боковой аллее.

Она ничего не могла понять. Почему он уехал? Почему он не сказал ей ничего, даже не простился, не оставил записки? Неужели он не понял того взгляда, каким она посмотрела на него тогда, когда они сидели на скамеечке перед заходом солнца? Ей пришло в голову, что это новое для нее удивительное чувство тогда испытала она одна...

При этой мысли Ирина почувствовала, как горячая волна крови от жгучего стыда за себя бросилась к щекам.

Она дошла до своей любимой скамеечки, где они сидели в последний раз. Остановилась около нее, сорвала рассеянной рукой листок с липовой ветки и, поднеся его ко рту, несколько времени смотрела на скамеечку, как будто она хранила в себе еще следы того, что здесь было. Потом медленно оглянулась кругом на зеленую гущу нависших сверху ветвей и, глубоко вздохнув, пошла назад.

Когда Ирина вернулась в дом, там были уже все одеты и готовы ехать в церковь. У всех были приготовлены букеты цветов, и только не было у нее, так как думали, что она сама ушла за цветами.

Ирина молча прошла наверх, оделась машинально, все в том же окаменении, иногда остана-вливаясь взглядом на одной точке, и сошла вниз. Молодежь в новых летних костюмах забежала в зал, чтобы оглядеть себя на просторе в большие зеркала. Они чему-то смеялись, оправляя платья и вуалетки.

Ирина, точно лишенная всякого права на радость, даже не зашла в зал к большому зеркалу, а надела в передней свою белую атласную шляпку с короткими полями, легкое тонкое пальто, шуршавшее шелковой подкладкой, и мимоходом взглянула на себя в зеркало около вешалок. Из зеркала смотрели на нее серьезные, точно не ее, а чьи-то чужие глаза, глубоко ушедшие, чуждые всему, кроме своего внутреннего.

И когда Дуняша, посланная Марией Андреевной, принесла ей маленький букетик цветов, наскоро сорванных неумелой рукой горничной, Ирина, взглянув на большие, яркие букеты, бывшие у всех, вдруг почувствовала в своем бедном и безвкусном букете какое-то совпадение со своей судьбой, и ей стало так горько и жаль себя, что она едва не заплакала.

- Что с тобой, деточка? - спросила Мария Андреевна, тревожно проследив взглядом за дочерью.

Ирина подняла на нее свои большие глубокие глаза, и одно мгновение ей хотелось прижаться к груди матери и рассказать ей все. Но это был только один момент. Кажется, ничто на свете не могло ее заставить открыть то, что было у нее в душе, если оно требовало жалости и сочувствия.

И когда она стояла в церкви около стены на деревянном крашеном помосте, она, не молясь, все так же неподвижно смотрела перед собой. А когда ее взгляд падал на ее бедные, самые плохие цветы, то ей казалось, что все видят это, понимают, что лучших цветов у нее и не должно быть, и жалеют ее.

А в церкви стоял запах набросанной травы, молодых листьев березы, еловых веток, которыми пахло уже в прохладном каменном притворе, когда они входили в храм.

Ирина стояла чуждая всему, машинально ждала знакомых подробностей службы и не могла ни молиться, ни отдаться прелести простых детских ощущений от запаха березы в церкви, от пыльных утренних столбов солнечного света в алтаре.

Но вдруг ей пришла мысль, отозвавшаяся толчком в ее сердце: может быть, у этого человека какая-то глубокая внутренняя жизнь, которая заставила его сделать так, как он сделал. И, может быть, она, забыв о себе, о своем самолюбии, о своей обиде, должна это принять кротко, без ропота. В самом деле, если бы этого не было, то почему же душа ее остановилась на нем, когда в его внешности решительно не было ничего, что могло бы поразить воображение девушки? Значит, ее душа встретила с тем значительным, что было как возможность заложено в его душе.

А все значительное бывает моментами очень тяжело и трудно. И разве она согласилась бы ценой легкости и безоблачности мелькнувшего счастья примириться с внутренним ничтожеством?

Ирина всегда чувствовала в себе скрытую, бродившую в ней силу, которую она отдала бы только на что-то большое. И она бессознательно ждала такого человека, который взял бы ее еще не раскрытое ею самой сокровище и смелой рукой прозревшего в своем пути мужчины указал бы ей путь.

Эта мысль потрясла ее неожиданным восторгом совсем новой надежды. Сдержав блеснувшие в глазах слезы, просиявшими глазами она смотрела перед собой на горящее золото икон, на столбы кадильного дыма и чувствовала в душе загоревшуюся радость. И вдруг, украдкой прижав к губам букет, она поцеловала свои бедные, убогие цветы...

III

В обществе живо обсуждался отъезд Валентина Елагина. Все так привыкли к мысли о мифичности этой поездки и даже самого озера, несмотря на священность его вод, что многие были ошеломлены известием об отъезде, как полной неожиданностью. Тем более что Валентин уехал не один, а сбил с толку еще другого человека: Митеньку Воейкова.

Обсуждался вопрос о том, как перенесет разлуку баронесса Нина Черкасская, потерявшая на этой авантюре равно целую половину супружеской жизни, притом наиболее для нее существенную.

Некоторые задавали вопрос себе и другим: любила ли она его? И обычно на

этот вопрос сейчас же раздавались с двух-трех сторон совершенно противоречивые ответы. В то время, как один говорил: "Безумно любила", другой в этот же момент заявлял, что она не знала, как от него избавиться.

Это происходило потому, что сама Нина одному говорила, что не может без Валентина жить, другому - что он ужасный человек и что она не знает, освободится ли от него когда-нибудь. А то случалось так, что она говорила обе эти фразы одному и тому же лицу, и притом непосредственно одну за другой.

Высказывали догадки о том, что сделает профессор с уголком Востока, оставленным ему в наследство Валентином, и поднимется ли у него рука разрушить этот уголок.

Но потом внимание всех с Валентина перешло на другой предмет: в городе бесследно пропал Владимир Можухин, и, как говорили, пропал с большими деньгами. Отец посылал его на Украину для покупки скота, и он должен был через день уехать. Но накануне вечером пошел, как он сказал дома, на минутку по делу и исчез. Не вернулся ночью, не вернулся наутро, не вернулся и на третий день.

Говорили, что он сделался жертвой нападения бандитов, узнавших, вероятно, о деньгах, которые были даны ему на дорогу.

Но у многих мелькнуло не менее жуткое предположение, что Валентин этот бич всякой благообразной и уравновешенной жизни - сманил с собой на Урал и Владимира, который, спяну почувствовав, что ему море по колено, очень легко мог заразиться этой безумной фантазией и поддаться убеждению Валентина не расстраивать компании.

И когда спросили у баронессы Нины ее мнения на этот счет, она сейчас же, не задумываясь, сказала:

- Это он... он увез бедного молодого человека. Я знала, что он увезет. Ему там нужно варить уху, а сам он ничего не умеет и не хочет делать... Вот он и будет лежать под солнцем на песке, а они - эти два несчастных - будут ему нагишом варить уху.

Кто-то спросил, почему они должны варить уху непременно нагишом.

- Я не знаю, почему, - сказала баронесса. - Но это так.

Потом о Владимире с Валентином забыли и отвлеклись новыми событиями. Первое из этих событий было то, что актеры городского театра в день торжественного юбилейного спектакля оказались все пьяны как стельки и, заплетая языками, несли какую-то ерунду, на которую зрители только пожимали плечами, переглядываясь между собою. Выяснилось потом, что они провожали своего друга, отъезжавшего в дальние края.

Второе - кошмарно-нелепая судьба, где жених, много лет добивавшийся руки своей тепе-решней невесты, в назначенный день свадьбы не приехал к венцу, когда в церкви уже собрался народ и священники были в облачении. А когда свадьба была отложена на следующий день, он, опоздав на целый час, явился пьяный, в невероятно большом фраке, в который его облачила какая-то умная голова, бывшая, вероятно, в состоянии немногим лучше, чем сам жених.

Все потом не могли без возмущения рассказывать, как хорош был жених в этом фраке ниже колен и с рукавами, из которых не было видно пальцев, причем он стоял, опустив руки к коленям, которые у него то и дело подгибались. И в заключение один выпил всю теплоту - вино с водой, - которую ему дал священник

при венчании, так что со скандалом пришлось идти в алтарь и наливать нового вина. Предупредить этот случай было и невозможно, потому что несчастный, увидев перед собой вино, вцепился в чашу обеими руками и уж не отдавал ее до тех пор, пока всего не выпил. И только покончив с ней, глупо, блаженно улыbnулся и жадно смотрел священнику вслед, когда он пошел в алтарь наливать еще вина для невесты.

Жених сильно пил в ранней молодости. Потом, учась за границей, совершенно бросил. Но тут, приехавши домой на зависть всем парижанином, встретил накануне свадьбы какого-то приятеля из прошлых времен, который уезжал в дальние края, и явился хуже свиньи.

Поражало во всех случаях единство симптомов и то, что все точно сговорились врать про приятеля, отъезжавшего в дальние края.

Что актеры нализались перед спектаклем, - это было еще туда-сюда: в этот роковой год пили все как никогда. Но чтобы этот несчастный, добившийся столько лет своего счастья и наконец добившийся его, так отличился, - от этого уже начинало пахнуть чертовщиной. И все это на протяжении трех дней.

Владимир Можухин оказался жив. Он притащился домой на четвертый день. И начал плести какую-то околесицу о том, что он провожал своего лучшего друга и на обратном пути на него напали разбойники, отобрали деньги и увезли в трущобу, на край города. Там держали его связанным, пока он не разорвал веревки и, расшвыряв бандитов, не убежал.

Родители, обрадовавшиеся хоть тому, что продолжатель их рода жив, с тайным ужасом смотрели на него: такое у него было лицо.

И сомнительно было, чтобы Владимир, у которого язык лыка не вязал, мог порвать веревки и расшвырять бандитов. Тем более, что он, как только добрался до постели, так ткнулся в нее ничком и заснул мертвым сном.

Потом стали ходить нелепые слухи о том, что видели Валентинова двойника и кто-то, думая, что это сам Валентин, хотел было окликнуть его, но вовремя остановился, так как незнакомец был в такой странной одежде, которой Валентин никогда не носил.

У баронессы Нины, когда она была у Тутолминых, вырвалось даже наивное, впрочем вполне подходящее к ней восклицание.

- Ну, вы поняли что-нибудь? - сказала она, широко раскрыв свои большие детские глаза. - Этот человек решил не оставлять меня в покое даже после своего отъезда. Он здесь оставил или свою тень, или двойника, но я еще не знаю, что хуже. Если два двойника встретятся, то кто-то умрет. Я не знаю, кто умрет. Это мне рассказывали, а я не могу помнить всего, что мне рассказывают. Но все-таки это какой-то ужас, эти двойники, - закончила она, содрогнувшись спиной с таким выражением, как будто все вокруг было усеяно двойниками.

Многие не могли сдержат улыбки при милом лепете очаровательной женщины, этого взрослого ребенка.

Все это впоследствии разъяснилось и оказалось гораздо проще, чем представлялось взбудо-раженной фантазии людей, привыкших к тихой однообразной жизни, не волнуемой никакими чрезвычайными событиями. И все потом удивлялись, как они сразу же не поняли, в чем тут дело, а дошли до того, что даже стали себя ловить на мысли об участии во всем этом самой настоящей чертовщины.

Первому приподнять завесу тайны, и притом совершенно случайно, удалось Авениру.

IV

В жизни Авенира в последнее время произошла некоторая перемена. Он приступил к делу воспитания своих сыновей.

До этого времени он усиленно проводил в жизнь свой принцип абсолютной свободы и близости к природе и только ждал того момента, когда не стесненный ничем девственный дух его молодых отпрысков созреет и сам запросит приличной для него духовной пищи.

Но дух или не созрел, или созрел, но вследствие какой-то заминки не хотел обнаруживать ровно никаких потребностей.

Молодцы Авенира продолжали ездить за рыбой, валялись по целым дням на песке у реки под солнечным зноем, лупили из ружей галок, ворон, - и кроме этого знать ничего не хотели. А потом к матери стали навещаться деревенские бабы и жаловаться, что ее сыновья с жиру бесятся.

Тут Авенир увидел, что дело запахло не духом, а уже кое-чем иным, и решил, что его участие в деле необходимо. Для него стало ясно, что он свалил дурака, дожидаясь самостоятельности духа в своих молодцах. И дождался того, что они на баб полезли.

Скорый на всякие решения и крутые повороты, он прежде всего заявил сыновьям, что если он увидит их на реке или с ружьем, то обломает об них весла или ружье, смотря по тому, что попадется под руку. Если же дело коснется женского пола, то он собственноручно оторвет им головы. И предупреждает заранее, чтобы потом, когда это будет приведено в исполнение, не было упреков со стороны потерпевших в неожиданности расправы.

- Я все ждал, что вы, ослы, сами заговорите об идеалах, а у вас голова-то, оказывается, черт ее знает, чем набита, - говорил Авенир. - Я в ваши годы книги зубами рвал. И тогда уже горел великой национальной миссией. Вы должны были бы пользоваться случаем и благодарить бога, что судьба послала вам такого отца...

Сыновья, только было обладившие свои лодки и сети, чтобы ехать в дальнюю поездку за рыбой, сидели и мрачно молчали, то поглядывая в окно, то расковыривая на руках старые занозы.

- Я каждую минуту могу загореться огнем вдохновения, который никогда у меня не угасает, и вам хотел передать этот огонь и сознание ответственности перед всем миром, который ждет от нас нового слова и всеобщего спасения. Но раз вы - остолопы - не понимаете этого сами, тогда я возьмусь за вас по-другому. Боже! - сказал Авенир, даже подняв молитвенно кверху руки, - как я ждал, что вот настанет момент и мое пламя загорится в них. А вместо этого - как гоняли собак, так и продолжают гонять. Ведь я говорю с вами о величайших вещах. И вы, остолопы, должны ценить это, потому что другой отец на моем месте и разговаривать бы с вами, болванами, не стал. Я говорю сейчас и говорю, а вы сидите как идиоты. Данила, ты что, спать сюда пришел?!

- Тут надо за рыбой ехать, а ты завел свою мельницу...

- Не мельницу, дурак! А это высшее, в чем твоя глупая голова ни боба не понимает. Я в вас, ослы, хотел развить величайший дар человека: самоуважение и свободную личность, а у вас только караси на уме.

- Сам же заставлял, - сказал угрюмо Данила. - Разве тебя поймешь: нынче одно, завтра - другое.

- Ты хоть и дубина, - заметил Авенир, торжественно поднимая палец, - но сейчас сказал великую вещь! Да, у меня нынче одно, завтра - другое, совершенно другое. Дух должен встречать всякую новую идею, как радостную весть. А ты, как воткнулся в своих карасей, так ни на что другое не способен поднять своего рыла.

- Да чего ты ругаешься-то? - сказал Данила.

- Я говорю только правду о тебе, горькую правду, - сказал с горечью Авенир, - а если получаешь ругань, - это уж твоя вина. Если говорить правду о человеке достойном, никакой ругани не будет, а если ругань есть, значит, человек дрянь.

- Понес... - сказал Данила и, отвернувшись, стал, тяжело моргая, смотреть в окно.

- С завтрашнего дня я сам даю направление вашей жизни, - сказал торжественно Авенир, протягивая к сыновьям указательный палец и вставая. - Я вас проучу.

А когда после вечернего чая к нему заехал на своем рыженьком в дрожках Александр Павлович Самарин, чуть не за месяц начавший объезжать друзей, чтобы звать к себе в Петров день на охоту за утками, Авенир прямо встретил его словами:

- Я угнетен. Во мне убита самая моя высшая надежда. Вы знаете меня. Я враг всякого принуждения. Сам не выношу никакой дисциплины и других не снабжаю этой дрянью. Я строил дело на равенстве между собой и своими сыновьями. И предоставлял им полную возможность вырастить в себе самобытный дух и великую личность. Но сами они ни боба. Ни великой личности, ни духа, ни черта!

Александр Павлович, - приехавший сказать, что охота ожидается хорошая и что он достал себе знатную собачонку по имени Франт, - подергивая свои висячие охотничьи усы, помарги-вал, делал внимательное лицо и кивал головой. Но никак не мог выбрать момента сказать, о чем было нужно. Тем более, что Авенир попал на опасную для этого случая тему, которую он мог выдержать в течение двух часов. И было как-то неудобно от великих вопросов духа сразу перей-ти к собачонке, хотя бы и знатной по своим достоинствам.

- Может быть, отложили бы до зимы? Ведь летом, небось, им хочется поболтаться, - заметил нерешительно Александр Павлович с таким видом, с каким неспециалист и ничего не понимающий в этом деле человек решается высказывать свое мнение, основываясь только на снисхождении к человеческой, а в данном случае к юношеской слабости.

- Я им покажу лето! - крикнул Авенир. - Я сделал то, чего ни один отец в мире не делал для них, и, если они этого не оценят, я им прочищу мозги. Вы знаете меня? Я жар юности сохранил до сорока лет!

- О, вы молодец, - сказал Александр Павлович, - в прошлом году за утками так гоняли, что нас чуть всех не перестреляли.

- Да! И так во всем. А у них ни боба. И я буду чувствовать свою великую вину перед будущим, если не передам им своего огня.

- Передадите, бог даст, - сказал Александр Павлович. - А что касается уток, то и в нынешнем году не ударим лицом в грязь. Собачонку знатную себе достал.

- Федюкова не нужно бы приглашать, а то он своей мрачностью только тоску нагоняет.

- Пригласил уже... - сказал Александр Павлович с выражением сожаления о невозможно-сти исправить ошибку. - Ну, мы его как-нибудь обезвредим, прибавил он, бодро улыбнув-шись и подмигнув. - Так значит, идет? - Александр Павлович заторопился уезжать и, спрятав в карман свою потухшую трубочку с невыбитой золой, распрощался с хозяином.

Авенир, встав на другой день рано утром, крикнул было своим молодцам, чтобы запрягали ему лошадь - ехать в город.

Но молодцов не оказалось.

- Где же они?

- Ловить рыбу на заре уехали, - отвечала мать.

- Вот чертова порода-то! - сказал Авенир. - Хотя ты им кол на голове теши. Ну, я им пропишу зарю. Как же, ждал, надеялся, что все мое самое высшее отразится в них, как в незапятнанном зеркале. Отразилось!.. Черт бы их побрал. Все лодки их топором изрублю! - крикнул он вдруг на весь дом так, что все притихло, услышав этот небывало грозный окрик главы семейства.

Бранясь и расшвыривая сбрую в сарае, он достал хомут и стал сам запрягать; но когда выехал на деревню, то увидел, что лошадь все почему-то воротит морду влево, пока встретив-шийся мужичок не исправил ему дела. Оказалось, что у лошади голова была прикручена к оглобле поводом. Это Авенир сделал для того, чтобы она стояла во время запряжки, а потом забыл отвязать.

Авенир поехал в город с тем, чтобы закупить пока книг для совместного с сыновьями чтения и инструментов для ручного труда, дабы излишек физической силы у сыновей направить в более правильное русло, чем они ухитрились это сделать сами.

И вот, переходя из магазина в магазин и ругая всех продавцов сапожниками, которые в собственном деле ничего не смыслят, Авенир вдруг столкнулся с кем-то и, подняв голову, онемел, как немеет человек, когда среди дня встречает привидение, и даже поднял вверх руки, как бы защищаясь.

Первая мысль, какая у него мелькнула при этом, была мысль о двойниках.

- Это ты, Валентин, или не ты? - сказал он.

- Я, - отвечал Валентин.

Валентин стоял перед ним в каком-то необычайном костюме, который и сбил с толку видевших его раньше: на нем была кожаная куртка, кожаные штаны и высокие сапоги.

- Так ты не уехал? - воскликнул радостно Авенир.

- На несколько дней отложили, - отвечал Валентин.

- А сейчас ты что делаешь?

- Из города никак не выедем.

- Что, какие-нибудь осложнения? - спросил тревожно Авенир. - Полиция что-нибудь?

- Нет, полиция ничего, - сказал Валентин, - у нас деньги все.

- Да ты бы у Владимира-то взял, голова!

- Дело в том, что и у него тоже все вышли.

- Тогда знаешь, что? - сказал Авенир, вдруг вдохновенно поднимая руку